

УДК 2 – 423.35 : 172.3

С. В. Рязанова

**Реализация принципа свободы совести:
уровни существования мифа***

В статье анализируется идея свободы совести и возможности ее реализации в социальном пространстве. Эта категория рассматривается как противоречивая в своих основаниях, существующая в культуре в виде мифа. Аргументируется контекстуальный и локальный характер понятия свободы совести. Выделяются различные уровни существования понятия как мифологемы.

The idea of freedom of worship and the possibility of its realization in social space is analyzed, the category in question considered as basically inconsistent and existing in culture in the form of myth. The author states contextual and local nature of concept of freedom of worship allocating various levels of existence of the concept of myth.

Ключевые слова: свобода совести, категории религиоведения, правовые и идеологические мифы.

Key words: freedom of worship, categories of religious studies, legal and ideological myths.

Понятие свободы совести в последние десятилетия является одним из широко используемых и одновременно спорных в пространстве социогуманитарных дисциплин. С одной стороны, уже появилось значительное число работ, подробно описывающих историю формирования представлений о свободе совести и анализирующих основные тенденции этого процесса. Для культуры Запада общим местом стало признание права индивида свободно выбирать религию, не отрицая при этом укорененности ее самой в человеческой культуре и потенциала рационального мышления [19, p. 10, 12]. Право на религиозную свободу трактуется как одна из гарантий сохранения других гуманистических прав.

Несмотря на солидный возраст, идея свободы совести, по нашему мнению, является внутренне противоречивой и ограничен-

© Рязанова С. В., 2014

* Работа выполнена при финансовой поддержке реализации совместного проекта УрО РАН №12-С-6-1003 и проекта партнерских фундаментальных исследований Президиума СО РАН (конкурс Б) №26 (совместный проект Института философии и права УрО РАН и Института философии и права СО РАН «Новые парадигмы социального знания»).

ной в применении в мировоззренческом, правовом, религиоведческом, хронологическом и пространственном аспектах. Будучи пограничной для социогуманитарных дисциплин, она должна быть проанализирована с различных ракурсов исследования с целью показать степень ее сущностной и функциональной мифологизации.

Как и целый ряд гуманитарных понятий, категория свободы совести возникла и сформировалась в западном политическом и научном пространстве, подвергнувшись некоторой трансформации в процессе перевода на русский язык. Некоторые исследователи указывают на фактическую подмену категорий: «сознание» переведено другим понятием – «совесть», которое имеет более определенный смысл, что стало одним из оснований для разногласий при разъяснении формально-логического смысла категории «свобода совести» [3]. Как правило, данное определение трактуется как связанное именно с религиозной формой мировоззрения, что приводит к сужению смыслового пространства понятия.

Будучи принудительно связанной с религией, категория свободы совести попадает в понятийный аппарат религиоведения как дисциплины, где также подвергается противоречивым истолкованиям. Прежде всего, это связано с понятием самой религии, атрибутированной в границах самого религиоведения строго определенным набором основных признаков. Поскольку трактовка религии имеет европоцентристский и христианоцентристский характер, это сужает ее возможности для применения к традиционным системам верований другого рода. Закономерно возникает вопрос о допустимости применения принципа религиозной свободы в том случае, если рассматриваемый объект наделен минимальным количеством указанных специалистами-религиоведами характеристик, либо таковые полностью отсутствуют. Так, специалисты, разрабатывающие теорию мифа как формы мировоззрения (А. Ф. Лосев, М. Элиаде, К. Хюбнер), отмечают отсутствие для мифосознания идеи веры – центрального элемента религиозной системы. Носитель мифологического сознания усваивает основные идеи, связанные с сакральным началом, как априорно заданные, не требующие свободного выбора, специального процесса самоидентификации и декларирования своей принадлежности к вероучительной системе. Свобода совести как свобода вероисповедания применительно к такому феномену начинает утрачивать свой смысл.

Вклад в усугубление внутренних противоречий идеи свободы совести внесли и новые виды религиозных учений и практик. С их появлением в культурном пространстве возникла проблема – стоит

ли считать новые учения элементом религиозного пространства, опять-таки в связи с тем, что они с трудом помещались в сконструированную специалистами систему координат. Ситуация усугубилась с появлением форм мировоззрения, занимающих пограничное положение по отношению к религиозному и светскому способам восприятия мира (новые оккультные практики, экстрасенсорные техники оздоровления и др.). Негативные коннотации приводят к тому, что нарушение принципов свободы совести в виде ограничения религиозной свободы и реализации прозелитической деятельности чаще всего имеют место именно для религиозных организаций нового типа [6, с. 7]. Эта проблема в полной мере наследуется от религиоведения гражданским правом, для которого возникает вопрос определения не только самой религии, но связанной с ней религиозной практики [11, р. 220]. Сложность формирования правовых понятий в этой сфере усугубляется тем обстоятельством, что речь идет о фиксировании вербально сложно выразимой совокупности переживаний [14, р. 1458].

Еще одно противоречие связано с источниками происхождения идеи свободы совести. Несмотря на то, что изначально сама идея имела религиозные основания, сами религиозные учения ограничивают возможности реализации принципа свободы совести для своих последователей, поскольку процесс выбора считается уже завершенным. Об этом свидетельствуют сами нормы религиозного выбора, связанные с ними культовые практики, а также система наказаний за повторную реализацию свободы выбора.

Поскольку идея религиозной свободы имеет, с одной стороны, западную, а с другой – светскую природу генезиса, она вступает в противоречие с рядом положений, декларируемых восточными вероучениями, и не может быть принята полностью носителями религиозной ортодоксии Запада [18, р. 1034].

В правоведческой литературе отмечается, что само по себе положение о религиозной свободе имеет самоотрицающий характер [21, р. 149]. Если религиозное самоопределение и самоидентификация являются личным делом индивида и это установление одобрено обществом, то любые связанные с этим вопросом законодательные акты избыточны, поскольку уже содержат в себе элемент регулирования. Вместе с тем, отсутствие вмешательства государства в вопросы религиозного характера в сочетании с фактором субъективного поведения граждан может стать источником нарушения принципа религиозной свободы.

Правоведы отмечают также, что значение словосочетания «свобода совести» является значительно более широким, отнюдь не связанным с религией [9]. С. А. Бурьянов отмечает, что «на протяжении длительного исторического периода многие мировоззренческие вопросы рассматривались исключительно с позиций религиозного миропонимания и морали, в связи с чем юридическое понятие свободы совести приобрело более узкий смысл – как право индивида самостоятельно решать вопрос, руководствоваться ли ему в оценке своих поступков и мыслей поучениями религии или отказаться от них» [1]. Данный принцип не совпадает с представлением о свободе вероисповеданий и включает в себя целый ряд других понятий [9]. Большинство международных актов игнорирует этот аспект, и в случае наличия нарушений акцент всегда делается на соблюдении принципа свободы вероисповеданий. По отношению к другим частям понятия «свобода совести» пока сохраняется лакуна в правовой разработке механизмов их реализации и мер по предотвращению нарушений.

Еще один аспект противоречивости положений о свободе совести связан с природой религии как феномена общественного сознания, частично совпадающего со сферой морали. С одной стороны, важность религии в определенных пределах сама по себе не определяет необходимости применения принципа религиозной свободы по отношению к обществу в целом [21, р. 155]. С другой стороны, если религиозные установки жизненно важны для осуществления морального поведения, их стоит обязательно воспроизводить и транслировать. В этом случае вопрос о религиозных свободах становится подчиненным религиозно-нравственному императиву. Противоречиво и стремление власти одновременно элиминировать религиозные вопросы из сферы компетенции власти и установить порядок реализации религиозных свобод в социуме [21, р. 195, 198, 209, 213–214].

В случае наличия строго определенного законодательного положения о свободе вероисповедания возникает вопрос о том, как разграничить свободу веры и свободу действия [10, р. 1713], поскольку наличие религиозных установок влечет за собой следование определенным нормам поведения, иногда противоречащим законодательству (полигамия, употребление наркотиков), не соответствующим нормам других разделов гражданского права (отказ от работы в выходные дни), нарушающим права граждан с другими мировоззренческими установками (неограниченный прозелитизм), игнорирующим интересы тех, кто считает себя атеистами [16, р. 433].

Если исходить из подхода, различающего права на свободу совести и на религиозно-мотивированную деятельность граждан [24, р. 183], это может привести к конфликту интересов между обществом и индивидом, поскольку принцип религиозной свободы будет ограничен реализацией только в виде декларации своих убеждений, что опять-таки превращает его в оторванное от реальности мифопостроение. Вариант, когда государство наделяет общесоциальные и государственные потребности более высоким приоритетом по отношению к потребностям верующих [14, р. 1447–1471], приводит к аналогичному результату, либо необходимости для законодателя балансировать на грани учета потребностей обеих сторон [12, р. 329] в стремлении сохранить систему общегражданских интересов и ценностей [15, р. 46–47]. Важным является вопрос о сочетании норм свободы совести с локальным постоянным (светским и религиозным, традиционным) и ситуативным законодательством (военное время, чрезвычайная ситуация) и приоритетах в их соблюдении, с избеганием причинения ущерба местному правовому пространству [8, с. 123].

Существует также проблема механизмов реализации принципов свободы совести, не оговариваемая на уровне основного закона и требующая решения в рамках различных нормативных актов [2, с. 107]. Будучи установленными на правовом уровне, эти механизмы не могут функционировать в полной мере, что обусловлено не только социально-политической ситуацией, но и деятельностью руководителей на местах, представителей системы образования, глав отдельных религиозных организаций и других акторов [4, с. 133; 5, с. 125–134]. Судебные органы также склонны принимать решения по религиозным вопросам, исходя из стереотипов восприятия и традиционных представлений о религии [10, р. 1736]. Поэтому конституционные положения о свободе совести не могут выступать гарантом свободы религий [21, р. 151], существуя в судебной практике то в виде недостижимого идеала, то в роли жупела.

Даже при наличии разработанного национального и местного законодательства по вопросам свободы совести возникают препятствия, связанные с гетерогенностью современных социумов, когда юридический миф о религиозной свободе отстает перед реальной практикой подавления инакомыслящих [20, р. 274]. В большинстве обществ присутствуют общины, имеющие автономное управление, использующие специфическое внутреннее законодательство и религиозную практику [11, р. 211] группы, что вступает в противоречие

с требованиями современного общества (оргастические ритуалы, использование галлюциногенов и т. п.) [13, р. 18]. В этом случае традиционный уклад может быть истолкован как прецедент нарушения религиозной свободы [18, р. 1041; 22, р. 11, 105, 114], а религиозная свобода становится реальной в очень узком социальном сегменте, в других социальных сегментах не закрепляясь даже на уровне привычного восприятия.

Демифологизации категории свободы совести, превращению ее в реалии демократического общества не способствует и светская позиция государства: его полное отделение от религии способно привести к нарушениям свобод граждан из-за невозможности эффективно защищать религиозную свободу (право поклонения сакральным объектам, право на религиозное образование) на законодательном и исполнительном уровне [16, р. 429]. Эта ситуация усугубляется проблемами локального характера, связанными с двусмысленностью формулировок и тем самым нарушающими провозглашаемый в документе принцип религиозной свободы [7].

Категория свободы совести обречена оставаться идеологическим мифом и из-за несоответствия установленных государством норм и поведения населения, активно осуществляющего свое право на самоопределение в вопросах веры в конкретных ситуациях как рядовых граждан, так и занимающих значимые посты, являющихся официальными представителями общественных и религиозных организаций.

Мифологическим, с нашей точки зрения, является и способ осознания принципа религиозной свободы значительной частью тех граждан, которые вообще имеют представление о данной демократической свободе [21, р. 151]. Мифологема в этом случае приобретает возрастной ценз, результатом чего становится нарушение права на свободу совести для ребенка: его религиозный выбор и поведение чаще всего определены приоритетами выбора семьи. В случае предоставления свободы выбора религии детям нарушаются родительские права по опеке, а в противоположном случае – конституционные права детей [17, р. 77]. К тому же, сложно точно установить, насколько свободен выбор ребенка, который растет под влиянием родителей, создающих, в том числе, и собственные мифы о социальном бытии.

Обзор сложностей и противоречий, связанных с формулировкой, законодательным закреплением и фактической реализацией принципа свободы совести, показывает, что в настоящее время внутри культурного пространства данное понятие, несмотря на уси-

лия юристов, идеологов и гуманитариев, чаще всего существует в виде популяризированной мифологемы, эффективной на уровне деклараций. Эта ситуация обусловлена искусственностью самого понятия, не связанного со сложившимися культурными традициями, нормами бытового поведения, особенностями индивидуальной и коллективной психики в сочетании с конъюнктурностью практики применения. Базируясь на таких основаниях, категория религиозной свободы обречена быть ограниченной рамками мифологического сознания.

Список литературы

1. Бурьянов С.А. Свобода совести и светскость государства в России. Историко-правовой аспект. – URL: <http://www.atheism.ru/lci/analys/?id=36> (дата обращения 12.03.2011).
2. Королев В. И. Свобода совести в современном российском обществе и ее законодательное закрепление // Свобода совести в России: ист. и совр. аспекты. – М., 2004. – С. 101–108.
3. Машихин Ю. Свобода совести – ошибка XX века. – URL: <http://mashykhin.narod.ru/freedom.html> (дата обращения 12.03.2011).
4. Мельникова Е. Н. Защита конституционного принципа свободы совести в деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Свобода совести в России: ист. и совр. аспекты. Вып. 2. – М., 2005. – С. 85–98.
5. Мельникова Е. Н. Реализация конституционного принципа свободы совести в России (на материалах Аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ) // Свобода совести в России: ист. и совр. аспекты. – М., 2004. – С. 125–134.
6. Мирошникова Е. М. Свобода совести в контексте отделения церкви от государства: вопросы реализации в современной Европе // Свобода совести в России: ист. и совр. аспекты. Вып. 2. – М., 2005. – С. 5–16.
7. Право на свободу совести и вероисповедания: гл. из докл. Уполномоченного по правам человека в РФ за 2008 г. – URL: <http://www.maranatha.org.ua/cnews/r/59170> (дата обращения 06.07.2009).
8. Тагиева Т. Ю. Проблема системного единства международной и национальной составляющих правового регулирования свободы совести // Свобода совести в России: ист. и совр. аспекты. – М., 2004. – С. 118–124.
9. Чемеринский К. В. Уголовно-правовая характеристика состава воспрепятствования осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий // Вестн. Северо-Кавказского гос. тех. ун-та. – 2008. – № 3 (16). – URL: <http://www.ncstu.ru> (дата обращения 12.03.2011).
10. Choper J. H. A century of religious freedom // California Law Review. – Vol. 88. – № 6. Symposium of the Law in the Twentieth Century (Dec., 2000). – P. 1709 + 1711–1741.
11. Dhavan R. Religious freedom in India // The American Journal of Comparative Law. – Vol. 35. – № 1 (Winter, 1987). – P. 209–254.

12. Dickson B. The United Nations and freedom of religion // *The International and Comparative Law Quarterly*. – Vol. 44. – № 2 (April., 1995). – P. 327–357.
13. Fisher L. Indian religious freedom: to litigate or legislate? // *American Indian Law Review*. – Vol. 26. – №1 (2001/2001). – P. 1–39.
14. Gordon S. B. Indian religious freedom and governmental development of public lands // *The Yale Law Journal*. – Vol. 94. – № 6 (May, 1985). – P. 1447–1471.
15. Jacob Ph. E. Religious freedom – a good security risk? // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – Vol. 300 (Jul., 1955) – P. 41–50.
16. Katz W. G. Freedom of religion and state neutrality // *The University of Chicago Law Review*. – Vol. 20. – № 3 (Spring, 1953). – P. 426–440.
17. Lafollette H. Freedom of religion and children // *Public Affairs Quarterly*. – Vol. 3. – № 1 (Jan., 1989). – P. 75–87.
18. Madan T. N. Freedom of religion // *Economic and Political Weekly*. – Vol. 38. – № 11 (Mar. 15-21, 2003). – P. 1034–1041.
19. Newman F. W. Religious freedom: a lay sermon // *Bristol selected pamphlets*. Bristol, 1859. – 13 p.
20. Richardson J. T. The sociology of religious freedom: a structural and socio-legal analysis // *Sociology of Religion*. – Vol. 67. – №3 (Autumn, 2006). – P. 271–294.
21. Smith S. D. The rise and fall of religious freedom in constitutional discourse // *University of Pennsylvania Law Review*. – Vol. 140. – № 1 (Nov., 1991). – P. 149–240.
22. Swaine L. A. Institutions of conscience: politics and principle in f world of religious pluralism // *Ethical Theory and Moral Practice*. – Vol. 6. – № 1. – Religious Pluralism, Politics and the State (Mar., 2003).
23. Swaney W. B. Religious freedom // *Virginia Law Review*. – Vol. 12. – № 8 (Jun., 1926). – P. 632–644.
24. The relation between religion and freedom // *The Biblical World*. – Vol. 40. – № 1 (Jul., 1912). – P. 3–8.